

Жуковская Татьяна Николаевна

канд. ист. наук, доцент, доцент

Институт истории

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

г. Санкт-Петербург

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ (ЛЕНИНГРАДСКИЙ)
УНИВЕРСИТЕТ В ВОСПОМИНАНИЯХ,
ИЛИ ОСОБЕННОСТИ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ПАМЯТИ**

Аннотация: статья посвящена анализу мемориальной культуры представителей университетского сообщества на примере комплексов воспоминаний бывших студентов и профессоров Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета XIX–XX вв. Отмечается общность базовых сюжетов («мест памяти») университетских воспоминаний, единство стиля, наличие «связанных» воспоминаний авторов, учившихся в одно время.

Ключевые слова: университетские коммеморации, Санкт-Петербургский университет, мемуары, историческая память, коллективная память.

Научная рефлексия по поводу университетских традиций, механизмов их создания и воспроизводства не может обойтись без исследования культуры памяти университетских сообществ, которое применительно к российским университетам находится в самом начале. Можно обнаружить ряд специфических черт, присущих памяти универсантов, процедурам фиксации, сохранения и трансляции воспоминаний. Это придает особенность и университетским коммеморациям, под которыми следует понимать любую форму со-воспоминания и закрепления значимых для сообщества событий, таких как юбилеи, торжественные акты, символические акции, открытие памятников и мемориальных досок, создание музейных коллекций и, собственно, написание воспоминаний об университете [9, с. 89–99].

Анализ комплексов мемуаров о Петербургском – Ленинградском университете, относящихся как к XIX, так и к XX веку, показывает, что университетская

корпоративность и особая культура университетских отношений демонстрируют способность к воспроизводству себя в разные эпохи, в том числе в условиях советского времени. Отметим некоторые особенности памяти авторов университетских воспоминаний. Они проявляются по-разному, в зависимости от их положения в университете (студенты, профессора), послеуниверситетского жизненного опыта, возраста, целей мемуаротвчества, особенностей письма.

Университетоцентричность. Университет для мемуаристов является основным предметом описания, а основным адресатом воспоминаний становится университетское сообщество, в том числе универсанты новых поколений. Университетская мемуаристика формируется как сфера организованной коммеморации, как послание в будущее, в адрес новых поколений универсантов, которым оно будет интересно и полезно [15]. Главы, посвященные университету, могут быть частью более пространной автобиографии, но университет как школа жизни, место формирования мировоззрения и основание дальнейшей карьеры занимает одно из центральных мест, даже если последующая жизнь мемуариста с ним не связана.

Память универсантов формируется как *память корпоративная или коллективная*, если использовать значение, введенное М. Хальбваксом [11; 12]. В то же время это и *общая память* людей, связанных друг с другом в сообщество, осознающих эту связь. Благодаря специфическим механизмам аккумуляции разрозненных индивидуальных воспоминаний в групповые, их поддержания и актуализации, комплексы университетских мемуаров, объединенные по территориальному, поколенческому или событийному принципу, содержат *повторяющиеся описания знаковых событий*, даже при отсутствии непосредственной связи между мемуаристами. Эти знаковые события правомерно определять как *места памяти* университетских людей.

Таковыми точками мобилизации памяти для Петербургского – Ленинградского университета являются, например, студенческие волнения, начиная с «беспорядков» 1861 г., закончившихся закрытием университета на 2,5 года; деятельность ЛГУ во время блокады Ленинграда и эвакуации в Саратов; складывание научных

школ вокруг отдельных ученых и сам механизм «обучения науке» в научных семинариях и лабораториях. Именно в этих «точках» можно зафиксировать встраивание индивидуальной памяти в коллективную, которое проявляется в повторяющихся сюжетах и деталях описаний у разных мемуаристов.

Отметим неравномерность в распределении текстов университетских мемуаров как во времени, так и по принадлежности их авторов к определенным областям знания и профессиям. Наибольшее количество воспоминаний оставили питомцы историко-филологического факультета дореволюционного университета, как известно, самого малочисленного. И в XX в. воспоминания универсантов-историков и филологов численно превосходят комплексы мемуаров представителей естественных и точных наук, поскольку гуманитарии более склонны к саморефлексии, им легче оформить поток памяти во времени.

«Профессорские» и «студенческие» воспоминания не противостоят друг другу и могут воспроизводить одни и те же знаковые истории, образы, социальные связи. Мемуаристы 1840–1850-х гг., представляя галерею своих профессоров, с уважением вспоминают бессменного ректора Петербургского университета П.А. Плетнева, историка М.С. Куторгу, а также инспектора студентов А.И. Фицтума фон Экштедта, швейцара Савельича [4, с. 23–24; 33–36; 44]. Хронотоп университетских мемуаров отличается точностью. Их авторы десятилетия спустя воспроизводят обстановку аудиторий, манеры и внешность профессоров, отдельные казусы и диалоги.

Формы академической коммеморации, сложившиеся в XIX в., принимаются и используются универсантами в советское время. Сходство «мест памяти» и механизмов меморизации для разных поколений универсантов отражено в тематическом вопроснике, положенном в основу собрания новейших воспоминаний об историческом факультете СПбГУ, выпущенных к его 80-летию [7]. В основе этого уникального издания – устные интервью, взятые нынешними студентами у трех поколений профессоров и преподавателей, выпускников истфака. Три поколения мемуаристов оказались в рамках общей традиции: институциональной, профессиональной и мемориальной. Опрашивались они фактически четвертым

поколением, также осознающим себя внутри традиции. Иные «места памяти» универсантов (базовые сюжеты), сложившиеся еще в XIX в., воспроизводятся мемуаристами советского и даже постсоветского времени.

Почти у всех авторов описано поступление в университет, присущее этому моменту возвышенное отношение к университету как к «территории свободы». Это отношение формируется через описание духа «товарищества», «студенческого братства» и вольности, демократизма внутриуниверситетских связей. У мемуаристов XIX в. повторяется рассказ о пошиве студенческого мундира, обряде зачисления в студенты с получением шпаги из рук ректора, о первых лекциях. Описание неформальных студенческих развлечений, с нарушением дисциплины, неотъемлемым элементом студенческой субкультуры, встречается почти у всех; описание общественной и политической атмосферы внутри университета – у лиц, которые были впоследствии вовлечены в революционное движение. Академические отношения (рассказ об учителях, семинариях, научном посвящении, лабораториях, экспедициях) более значимы для тех мемуаристов, кто сам впоследствии стал преподавать и заниматься наукой. Разведенные во времени почти на столетие рассказы о научных семинарах как посвящении в науку и сотворчестве отражают константы академической культуры при сходстве приемов ее описания. В «коллективных мемуарах» находит отражение память учеников о семинариях А.С. Лаппо-Данилевского [10; 1, с. 118–127] и А.Е. Преснякова [14], источниковедческой школе С.Н. Валка [13, с. 284; 7, С. 58–62, 77], семинарах А.Л. Шапиро, или о спецсеминаре Ю.Д. Марголиса «Освободительное движение в России в конце XVIII – начале XX вв.», действовавшем на истфаке ЛГУ-СПбГУ в 1984–1995 гг. [8]. При этом воспоминания об учителях содержат рассказы не только о передаче научного опыта, но и об усвоении норм академической и, шире, общечеловеческой этики.

Мобилизация памяти о знаковых событиях в истории университетской корпорации часто происходит в ходе направленных организованных действий. В 1861 г. после студенческих волнений и закрытия Петербургского университета,

ставшего моментом разрыва жизненных траекторий сотен его студентов и многих профессоров, стремление к осмыслению этих событий породило первые *связанные* университетские воспоминания об этих событиях, принадлежащие Н.Я. Николадзе, Л.Ф. Пантелееву, К.А. Тимирязеву, А.М. Скабичевскому и др. [4, с. 66–94, 99–108].

Эффект «общей памяти» демонстрирует мемуаристика универсантов военного времени, и это не случайно. В условиях разрыва прежних довоенных связей, когда многие питомцы университета оказались на фронте, в эвакуации, или погибли, – желание «историзировать» и осмыслить близкое героическое прошлое, сохранить память о погибших (а ЛГУ потерял в Великой Отечественной войне более трети от своего довоенного состава) породили массовые усилия по меморизации истории ЛГУ во время войны и Блокады, что, в свою очередь, стало частью общегородского движения за сохранение памяти о Блокаде. Уже в 1945–1948 гг. в ЛГУ сложился уникальный по объему и разнообразию мемориальный комплекс, ставший основой для создания нынешнего Музея истории СПбГУ. 1980-х гг. «поколение победителей» составляет свои «связанные» воспоминания, а также мартирологи погибших, официальные и неофициальные [3; 6].

Любопытно, что в ряду «мест памяти» универсантов достаточно редко встречаются описания реформ университета, проводимых «сверху». Эти реформы становятся сюжетами не слишком многочисленных профессорских мемуаров XIX – начала XX в. Причем сопротивление корпорации реформам «сверху» представлено мемуаристами гораздо подробнее, нежели соучастие в них. Период гражданской войны, «советизации» университета и окончательной ликвидации его автономии представлен скупо, в основном, в воспоминаниях младшего поколения универсантов, выходцев из «красного студенчества». Это связано с массовыми социальными ротациями внутри университета в 1920-е гг. Не получили широкого отражения в коллективной памяти универсантов репрессии 1929–1930 гг. («Академическое дело»), 1937–1938 или 1949–1950 гг. Воспоминания о репрессиях просто не могли быть написаны в ближайшие к этим событиям десятилетия

и не могли быть опубликованы ранее конца 1980-х гг., они остаются очень разрозненными и индивидуальными, как для универсантов-ленинградцев, так и для москвичей [2; 5].

Список литературы

1. Валк, С.Н. Воспоминания ученика // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 2: Петербургский-Петроградский университет. 1895–1917. – Л., 1982. – 222 с.

2. Житомирская, С.В. Истфак и террор // Просто жизнь. – М.: РОСПЭН, 2008. – 600 с.

3. Книга памяти Ленинградского – Санкт-Петербургского университета. – Вып. 1, 2. – СПб., 1995, 2000.

4. Ленинградский университет в воспоминаниях современников / Ред. В.В. Мавродина. Т. 1: Петербургский университет. 1819–1895. – Л., 1963. – 307 с.

5. Лурье, Я.С. Афины и Апокалипсис [глава об истфаке ЛГУ в 1934–1941 гг.] // История одной жизни. – СПб.: Изд-во Европейского университета, 2004. – С. 143–163.

6. «Мы знаем, что значит война»: воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет / Сост. Т.Н. Жуковская, И.Л. Тихонов. – СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2010. – 664 с.

7. Наш дом на Менделеевской, 5. Воспоминания выпускников-историков. – СПб.: Скифия-принт, 2015. – 420 с.

8. Опыт коллективного мемуара // In memoriam. Памяти Ю.Д. Марголиса. Письма, документы, научные работы, воспоминания / Сост. Н.О. Серебрякова, Т.Н. Жуковская. – СПб.: Контрфорс, 2000. – С. 480–497.

9. Ростовцев, Е.А. Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX-XX веков // КЛИО. Журнал для ученых. – 2011. – №4 (54). – С. 89–99.

10. Русский исторический журнал. Кн. 6. – 1920. – 206 с.

11. Хальбвакс, Морис. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – №2–3.
12. Хальбвакс, Морис. Социальные рамки памяти / Пер. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
13. Чернуха, В.Г. Сигизмунд Натанович Валк (1887–1975) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. Отечественная история. – М. – Иерусалим, 2000. – С. 272–284.
14. Шапиро, А.Л. А.Е. Пресняков как научный руководитель // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2005. – №4. – С. 18–25.
15. Эльяшова, Л.Л. Быть счастливой в безумном мире. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 624 с.